

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 93

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ М. М. СПЕРАНСКОГО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЗАКОНОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И. В. Олимпиева

Государственный университет гражданской авиации,
кафедра «Транспортное право», Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена подготовке во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а затем и в Берлинском университете, студентов правоведения в 1828–1835 гг. По инициативе М. М. Сперанского были избраны студенты Санкт-Петербургской и Московской духовных академий, «вполне окончившие курс», которые в течение года обучались правоведению в Санкт-Петербургском университете и Втором отделении императорской канцелярии (СЕИВК), а затем для усовершенствования знаний были направлены в Берлинский университет. Результатом их обучения стало утверждение их в степени доктора права и направление для преподавания юриспруденции в четырёх российских университетах. К. Неволин, С. Орнатский, С. Богородский были направлены в Киевский университет; П. Калмыков, А. Кранихфельд и Я. Барышев получили назначение в Санкт-Петербургский университет; А. Федотов-Чеховской, И. Платонов, А. Куницын – в Харьковский; П. Редкин, С. Барышев, Н. Крылов – в Московский.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, студенты духовных академий, студенты правоведения, германские университеты, российские профессора, распространение законовещения.

Судебная система России в начале второй четверти XIX в. требовала кардинальных изменений. Волокита, безграмотность судейского корпуса, а также архаичность законодательства препятствовали быстрому и справедливому рассмотрению дел.

По мнению М. М. Сперанского, реформировать судебную систему можно было путем выработки в России «ясных и твёрдых законов», которые на практике будут применять «знающие судьи и законоведы»¹. В 1826

---

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1261. Д. 7 а. 1828. Л. 1.

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 1261, D. 7a, 1828, L. 1.

г. государством были предприняты меры по решению первой проблемы. Во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – СЕИВК) началась подготовка Полного собрания законов Российской империи. Затем предполагалось выделить из всего массива нормативных актов только действующие и соединить их в «правильный и единообразный Свод».

Решение второй проблемы представлялось делом ещё более сложным. Существующие в России юридические факультеты не могли подготовить значительное количество правоведов, поэтому М. М. Сперанский избрал довольно трудный путь, который должен был принести пользу в долгосрочной перспективе. Он предлагал распространять юриспруденцию в Отечестве, подготовив преподавателей правоведения и направив их в качестве профессоров на юридические факультеты университетов. Возглавить эту работу также предстояло Второму отделению СЕИВК.

Для реализации планов М. М. Сперанского было необходимо из Московской и Санкт-Петербургской духовных академий избрать по три студента, образование которых было близко к завершению; поместить их на казенное содержание в Санкт-Петербургский университет; из наук, преподаваемых в университете, им предстояло прослушать только два курса – римское право и латинскую словесность. Остальное время студенты должны были заниматься во Втором отделении уроками публичного российского права у г. Плисова, гражданского российского права у г. Куницына и чтением юридических книг под руководством статс-секретаря М. А. Балугьянского. Теоретическое обучение должно было сопровождаться практическим. Под руководством М. А. Балугьянского им предстояло заниматься чтением уже составленных сводов, а под надзором Куницына они должны были составлять систематические алфавиты для Полного собрания. Студентам вменялось в обязанность также составление подробных записок «из старых обширных дел, в Сенате решенных»². Выбор преподавателей был не случайный – все они трудились во Втором отделении СЕИВК над составлением Свода законов.

В научных исследованиях неоднократно поднимался вопрос о том, почему М. М. Сперанский избрал для обучения правоведению именно студентов духовных Академий, а не студентов университетов. В данном случае следует согласиться с А. А. Смирновой, которая считает, что последние имели гораздо ниже уровень образования³. Возможно также, что симпатия к «семинаристам» была связана с происхождением и образованием М. М. Сперанского, который, как известно, закончил Александро-Невскую семинарию.

---

² РГИА. Ф. 1261. Оп.1. 7а.. Л. 2 об.–4.

РГИА, Ф. 1261, Оп. 1. Д. 7а. Л. 2 об.–4.

³ Смирнова А. А. Второе Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии: 1826–1882: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009 // Российская государственная библиотека. Отдел диссертаций (РГБ ОД), 61 09-7/348. С. 220–221.

Smirnova A.A., *Vtoroe Otdelenie Sobstvennoj E.I.V. kancelyarii: 1826-1882: dissertatsiya ... kandidata istoricheskix nauk*, Sankt-Peterburg, 2009 // RGB OD, 61 09-7/348, S. 220–221.

По согласованию с митрополитами Новгородским и Московским были присланы из Санкт-Петербургской академии Сергей Орнатский, Александр Пешехонов и Савва Богородский, из Московской – Василий Знаменский, Константин Неволин и Алексей Благовещенский⁴. Все они были помещены в Санкт-Петербургском университете, где им были выделены две отдельные комнаты – одна под спальню, другая для занятий⁵. До окончательного утверждения плана они слушали лекции по римскому праву, греческому и латинскому языкам вместе с остальными студентами.

М. А. Балугьянским были составлены планы преподавания дисциплин и учебный план, который 8 февраля 1828 г. был представлен Министру народного просвещения.

Весь процесс обучения должен был занять три года. По мнению М. М. Сперанского, «... соединяя ежедневно практику с теорией, есть надежда, что в два года они пройдут довольно далеко»⁶. После этого студенты должны были повторить всё то, чему их учили, и, выдержав «строгий экзамен, быть в состоянии давать уроки, как публичного, так и частного права»⁷.

Поскольку предполагалось, что после окончания обучения во Втором отделении СЕИВК студенты будут направлены для совершенствования в науках в Берлинский университет, к ним был определён кандидат права Дерптского университета Г. Петерсен, с которым они по несколько часов в день упражнялись в немецком языке⁸. Одновременно Г. Петерсен, причисленный ко Второму отделению, проходил в нём курс практического российского законоведения⁹. То есть польза от этих занятий была двойной.

Несмотря на то, что курс был рассчитан на три года, уже через год было принято решение отправить студентов вместе с Петерсеном в Берлин. Сложно сказать, чем было вызвано такое решение. Как считает А. А. Смирнова, срок обучения непосредственно во Втором отделении был сокращён в связи с тем, что в российских университетах было недостаточно преподавателей юриспруденции и, кроме того, привлечение к занятиям сотрудников Второго отделения СЕИВК отвлекало их от основных занятий¹⁰.

В данном случае можно только частично согласиться с мнением А. А. Смирновой. Во-первых, римское право и языки студенты правоведения

---

⁴ РГИА. Ф. 1261. Д. 7а. Л. 13, 17.

RGIA, F. 1261, D. 7a, L. 13, 17.

⁵ Там же. Л. 21.

Ibid, L. 21.

⁶ Там же. Л. 3.

Ibid, L. 3.

⁷ Там же.

Ibidem.

⁸ Там же. Л. 86 об.–87.

Ibid., L. 86 об.–87.

⁹ Там же.

Ibidem.

¹⁰ Смирнова А. А. Указ. соч.. С. 230.

Smirnova A. A., *Op. cit.*, S. 230.

изучали в Санкт-Петербургском университете. Им преподавали те же преподаватели, что и студентам университета. Что касается чиновников Второго отделения, то действительно трудозатраты у них были значительные: во-первых, им следовало подготовить специальный курс лекций, которые кандидаты слушали отдельно от других; а во-вторых, практические занятия непосредственно во Втором отделении проходили ежедневно, кроме воскресенья, и начинались после 6 часов вечера¹¹. Тем не менее все они были профессиональными преподавателями, соответственно занимались привычной для них деятельностью. Кроме того, впоследствии их труды были высоко оценены государством. В частности, А. П. Куницын, М. Г. Плисов, В. Е. Клоков и Ф. Б. Грефе были награждены деньгами по 1500 рублей каждый, а преподаватели языков И. А. Тилло, И. Я. Полнер и П. О. Полок – по 750 рублей. По представлению М. М. Сперанского «больше всего трудившийся» профессор В. В. Шнейдер был произведён в коллежские советники¹².

В течение года студенты обучались пропедевтике, русскому гражданскому законоведению (у А. П. Куницына), российскому государственному законоведению (у В. Е. Клокова), политической экономии и науке о финансах (у М. Г. Плисова), а также прослушали несколько лекций по всеобщей истории у К. И. Арсеньева. Кроме того, они познакомились со всеми сводами законов, составленными во Втором отделении.

В мае–июне 1829 г. студентов экзаменовали по римскому праву (экзамен на латинском языке, «студенты отвечали легко, удовлетворительно и хорошим слогом»¹³), российскому гражданскому и государственному законоведению, политической экономии и иностранным языкам. Особенно экзаменаторов интересовал немецкий язык. Трое из студентов хорошо говорили и писали по-немецки, остальные понимали¹⁴. (Впоследствии, находясь в Берлине, студенты писали, что сначала им было трудно воспринимать немецкую речь, но потом привыкли и записывали лекции как все студенты¹⁵.)

После проведения экзаменов студентов отправили в Берлин, они должны были вернуться к началу занятий¹⁶. Здесь шесть студентов были поручены покровительству российского посланника в Берлине графу Алопеусу и особому руководству профессора Савиньи, которому был отправлен подробный план занятий. Непосредственный надзор за занятиями осуществлял профессор Рудорф, который должен был давать студентам при-

---

¹¹ РГИА. Ф. 1261. Д. 7а. Л. 43.

RGIA, F. 1261, D. 7a, L. 43.

¹² Там же. Л. 119, 120.

Ibid, L. 119, 120.

¹³ Там же. Л. 56 об.

Ibid, L. 56 об.

¹⁴ Там же. Л. 56 об.–57.

Ibid, L. 56 об.–57.

¹⁵ Там же. Д. 7в. 1828. Л. 32–33.

Ibid, D. 7v, 1828, L. 32–33.

¹⁶ Там же. Д. 7а. Л. 64.

Ibid, D. 7a, L. 64.

ватные лекции в течение трёх семестров. Г. Петерс, который был отправлен в Берлин вместе со студентами и назначен старшим, регулярно направлял во Второе отделение подробные отчёты.

Из Берлина о студентах приходили «самые благоприятные известия»¹⁷. Особенно отмечали К. Неволлина и Г. Знаменского, только С. Орнатский неоднократно вызывал беспокойство у руководства Второго отделения. Вначале он отказался посещать private лекции профессора Рудорфа и высказывал недовольство надзором, который осуществлял за студентами Петерс¹⁸. Затем, когда в Берлине началась эпидемия холеры, из страха заболеть, он покинул университет и уехал в Гейдельберг¹⁹. В письме к М. А. Балугьянскому он просил разрешения не возвращаться в Берлинский университет до конца семестра, а посещать один из германских университетов по своему усмотрению. Разрешение последовало с рекомендацией избавиться от малодушия и боязни²⁰.

Однако С. Орнатский не стал возвращаться в университет после того как холера в Берлине практически прекратилась²¹. В этот раз М. А. Балугьянский был категоричен. В своем письме он указал, что отвлечение С. Орнатского от занятий может иметь для него самые неблагоприятные последствия, поскольку при назначении на должность будут учитываться только аттестаты, выданные в Берлинском университете. Поэтому студенту следовало возвратиться в Берлин и усердно заниматься, чтобы догнать своих товарищей²². Впрочем, поведение С. Орнатского в дальнейшем не отразилось на отношениях с наставником, неоднократно обращаясь к руководителю Второго отделения за помощью, он всегда получал её. Более того, когда у него возникли денежные затруднения, Михаил Андреевич дал студенту отличную характеристику и ходатайствовал о выделении ему денежных средств из казны²³.

В ноябре 1830 г. умер студент Александр Пешехонов²⁴. Вместо него было решено направить в Берлин сразу двоих – Петра Калмыкова и Петра Редкина, «поскольку оба способны и оба прилежны»²⁵. Судьба П. Калмы-

¹⁷ РГИА. Ф. 1261. Д. 7а. Л. 175.

RGIA, F. 1261, D. 7a, L. 175.

¹⁸ Там же. Д. 7б. Л. 22–27.

Ibid, D. 7b, L. 22–27.

¹⁹ Там же. Л. 182–185.

Ibid, L. 182–185.

²⁰ Там же. Л. 186–187.

Ibid, L. 186–187.

²¹ РГИА. Ф. 1261. Д. 7в. Л. 40–41.

Ibid, D. 7v, L. 40–41.

²² Там же. Л. 43 об.–44.

Ibid, L. 43 ob.–44.

²³ Там же. Д. 7 г. Л. 21, 40–40 об., 52, 44.

Ibid, D. 7g, L. 21, 40–40 ob., 52, 44.

²⁴ Там же. Д. 7а. Л. 140.

Ibid, D. 7a, L. 140.

²⁵ РГИА. Ф. 1261. Д. 7а. Л. 140 об.

кова довольна интересна. В отличие от своих товарищей, он закончил Санкт-Петербургскую гимназию, поступил в Санкт-Петербургский университет, после окончания I-го курса был подвергнут испытанию в Императорской академии наук и с её одобрения поступил в профессорский институт при Дерптском университете²⁶, где занимался историей и филологией. Однако по настоятельной рекомендации М. М. Сперанского П. Калмыков решил изменить профиль обучения и заняться правоведением²⁷.

После отъезда первой группы в Берлин было принято решение избрать ещё шесть студентов. Из Санкт-Петербургской духовной академии во Второе отделение были направлены Александр Федотов, Никита Крылов и Алексей Куницын²⁸; из Московской академии братья Баршевы – Сергей и Яков, и Иван Платонов²⁹. Они так же, как и их предшественники, были помещены в Санкт-Петербургский университет. Для упражнения в немецком к ним был причислен Александр Кранихфельд, обучавшийся в столичном университете и владевший греческим, латинским и немецким языками³⁰. К июню 1831 г. обучение было закончено, однако сразу в Берлин их не направили, так как там свирепствовала холера³¹. В Берлинский университет они отправились только в октябре 1831 г.³² К началу лекций профессора Кленце, которому они были поручены, студенты опоздали, после их усиленных просьб профессор Рудорф всё же разрешил им списывать кленцевские лекции, но этим занятия и ограничились. По всей видимости, им были предложены private лекции профессора Рудорфа, но студенты стали высказывать сомнения в их необходимости и считали, что пользы от таких занятий не много. В письме к М. А. Балугьянскому они высказывали опасение по поводу содержания этих лекций в следующем семестре и отмечали: «... судя по дороговизне... и громкому наименованию этих лекций

RGIA, F. 1261, D. 7a, L. 140 об.

²⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 355. Оп. 1. Д. 4119. Л. 10 об.

Central State Historical Archive of St. Petersburg (CzGIA SPb.), F. 355, Op. 1, D. 4119. L. 10 об.

²⁷ РГИА. Ф. 1261. Д. 7а. Л. 110.

RGIA, F. 1261, D. 7a, L. 110.

²⁸ Там же. Л. 90.

Ibid, L.90.

²⁹ Там же. Л. 105.

Ibid, L. 105.

³⁰ Там же. Л. 134, 194.

Ibid, L. 134, 194.

³¹ Там же. Л. 174–175.

Ibid, L. 174–175.

³² Там же. Л. 134, 194.

Ibid, L. 134, 194.

мы ожидали от них большего»³³. Приватные лекции вызывали недовольство и у предшественников³⁴.

Ответ из Санкт-Петербурга пришёл довольно неожиданный. М. А. Балугьянский писал, что «неудобно отступать от принятого однажды порядка учения...» и желательно сделать так, чтобы профессора Рудорф или Савиньи сами признали приватные занятия излишними. В любом случае необходимо сделать так, чтобы «из сего никаких неприятностей не последовало»³⁵.

В начале 1834 г. студенты вновь обратили внимание руководства Второго отделения на содержание программы обучения. В частности, они писали, что некоторые предметы (например, география Палестины или статистика Прусского государства) были избраны ими только потому, что в университете не осталось дисциплин, которые были бы им необходимы. При этом студенты подчеркивали, что они не забывают о своём предназначении и домашние занятия «употребляют для чтения Свода законов»³⁶. После этого обращения последовало распоряжение курс обучения закончить в марте и разрешить в течение 6 месяцев, так же, как и их предшественникам, посетить ведущие германские университеты с целью изучения методов преподавания юриспруденции³⁷.

Первоначально М. М. Сперанский считал, что будущим преподавателям правоведения необходимо получить учёную степень и желательно это сделать в Берлинском университете. Однако М. А. Балугьянский просил у Сперанского разрешения произвести экзамен на звание доктора прав в Санкт-Петербургском университете, ссылаясь на уже имеющийся опыт. В 1807 г. несколько студентов Санкт-Петербургского педагогического института, в том числе А. Н. Куницын и М. Г. Плисов, были отправлены в различные иностранные университеты для усовершенствования в науках и по возвращении в 1811 г. были подвергнуты испытанию на звание адъюнкт-профессора. Поскольку в проекте вузовского устава планировалось упразднить эту должность, поэтому было предложено производить экзамен на звание доктора права. С этим предложением М. М. Сперанский согласился. Как считает А. А. Смирнова, «для него было важным создать прецедент для получения докторской степени по юридическим наукам именно в России»³⁸.

Вернувшись в Россию, студенты временно были причислены ко Второму отделению. Здесь они переводили на русский язык Свод Остзейских

³³ РГИА. Ф. 1261. Д. 7 в. Л. 32–33.

RGIA, F. 1261, D. 7 v. L. 32–33.

³⁴ Там же. Д. 7 б. 1828. Л. 22–27.

Ibid, D. 7 b, 1828, L. 22–27.

³⁵ Там же. Д. 7 в. Л. 47.

Ibid, D. 7 v, L. 47.

³⁶ Там же. Д. 7 г. 1828. Л. 2.

Ibid, D. 7 g, 1828, L. 2.

³⁷ Там же. Л. 6–6 об.

Ibid, L. 6–6 ob.

³⁸ Смирнова А. А. Указ. соч. С. 231.

Smirnova A. A., *Op. cit.*, S. 231.

губерний и примечаний, поступающих от местных комитетов³⁹. Параллельно они должны были знакомиться со Сводом российских законов, чтобы таким образом «приготовить их к будущему ... предназначению»⁴⁰. Всё это время они находились в статусе студентов, что вызывало у них недовольство: некоторые были студентами уже 8 лет и это звание, по их мнению, не соответствовало тем знаниям, которые они уже получили, и оставляло их позади сверстников «на пути учености». Кроме того, с точки зрения гражданской службы они не имели никакого чина⁴¹. Эти обстоятельства были учтены руководством Второго отделения.

Для подготовки к испытанию на степень доктора законовения при Санкт-Петербургском университете был создан особый комитет и составлены программы. 29 января 1834 г. на философско-юридическом факультете Санкт-Петербургского университета с высочайшего разрешения состоялось испытание на степень доктора права. Экзамен производился под председательством декана факультета в присутствии М. А. Балугьянского, А. П. Куницына и М. Г. Плисова. Экзаменаторами выступали ординарные профессора В. В. Шнейдер, Е. В. Врангель, А. А. Фишер, приглашенный из Главного педагогического института ординарный профессор Р. А. Штегардт, адъюнкт-профессор Н. Ф. Рождественский. В качестве депутатов от других факультетов университета были приглашены ординарные профессора Ф. Б. Грефе и Г. П. Бонгардт⁴².

Экзамен состоял из нескольких частей. Вначале студенты отвечали не менее 25 минут на латинском, немецком и русском языках, затем в течение часа экзаменаторы могли задавать им вопросы. В программу экзамена входили вопросы по 7 предметам, пять из которых считались основными (энциклопедия или обозрение наук законовения; российское государственное право; законы российские, определяющие гражданские права вообще; законы, определяющие права гражданские в особенности; законы, охраняющие права, как государственные, так и гражданские). Вторая часть заключалась в решении практических заданий. После этого студентам предстояло написать рассуждение, тему которого студент выбирал самостоятельно, предварительно согласовав её с экзаменаторами⁴³.

До последнего испытания дошли только три студента. В. Знаменский и А. Благовещенский скончались в 1835 г. после устного экзамена, так и не дойдя до защиты диссертаций и окончательного присвоения степени доктора. Тем не менее было напечатано 200 экземпляров диссертации В. Зна-

---

³⁹ РГИА. Ф. 1261. Д. 7 в. Л. 117.

RGIA, F. 1261, D. 7 v, L. 117.

⁴⁰ Там же. Л. 118.

Ibid, L. 118.

⁴¹ Там же. Л. 137–140.

Ibid, L. 137–140.

⁴² Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Февраль. С. 293.

Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniya, 1835, Fevral', S. 293.

⁴³ Там же. С. 294, 295.

Ibid, S. 294, 295.

менского на латинском языке⁴⁴, рассуждение А. Благовещенского «История и методы науки законоведения в XVIII в.» было опубликовано в 1835 г. в Журнале министерства народного просвещения.

8 февраля 1835 г. состоялась защита рассуждения К. Неволлина «О философии законодательства у древних», текст которого также был напечатан по распоряжению Второго отделения. Выступая с речью перед собравшимися, декан юридического факультета отметил, «что публичное защищение ученого рассуждения... не пустой обряд, но конец, венчающий дело»⁴⁵. Защита прошла очень успешно, факультет единогласно признал К. Неволлина достойным звания доктора законоведения.

Ещё в 1833 г. у М. М. Сперанского возникла идея учредить особую юридическую академию, курс обучения в которой должен был составить два года. Преподавателями в академию предназначались молодые юристы, возвратившиеся из-за границы. М. М. Сперанский предложил каждому выбрать предмет преподавания по собственному желанию. К. Неволлин избрал учреждения и энциклопедию законоведения, С. Орнатский – гражданские законы, С. Богородский – уголовные законы. Однако академия так и осталась проектом⁴⁶. Их отправили в 1834 г. в Киев во вновь открытый университет Св. Владимира. Изначально должности ординарных профессоров заняли только К. Неволлин и С. Орнатский, который защитил диссертацию на тему: «De certitudine juridical ejusquemediis in processu judiciario et civili et criminali». С. Богородский из-за болезни не смог сдать экзамен вместе с товарищами. Защита его диссертации «О философии уголовных законов у древних и новых народов» состоялась только спустя год. Предисловием к сочинению стал некролог его товарища В. Знаменского⁴⁷.

Г. Петерсен, не подвергался испытанию на степень доктора. В 1835 г. он поступил на гражданскую службу в Лифляндской губернии.

Студенты второй группы (9 человек) после возвращения из-за границы были определены во Второе отделение и в последствии также были подвергнуты испытанию. С высочайшего разрешения им было разрешено отказаться от защиты диссертации, поскольку её подготовка требовала длительного времени. Вместо этого после сдачи устного экзамена студентам предлагалось защитить тезисы, «извлеченные из всех наук юридических». После присвоения каждому из них степени доктора права (законо-

---

⁴⁴ РГИА. Ф. 1261. Д. 7 г. Л. 83, 84.

RGIA, F. 1261, D. 7 g, L. 83, 84.

⁴⁵ Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете деканом философско-юридического факультета... С. 297.

Rech', proiznesennaya v S.-Peterburgskom universitete dekanom filosofsko-yuridicheskogo fakul'teta..., S. 297.

⁴⁶ Савва Осипович Богородский // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Ч. 101 (м/ф). С. 145–149.

Savva Osipovich Bogorodskij, Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya, 1859, Ch. 101 (m/f), S. 145–149.

⁴⁷ Там же. С. 147.

Ibid, S. 147.

ведения), они получили назначение в один из трех российских университетов – Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский.

Несмотря на присвоение степени доктора без защиты научного исследования, вопрос о диссертации не был закрыт. Так, 4 мая 1839 г. ректор Санкт-Петербургского университета, обращаясь к декану юридического факультета, просил сообщить о времени предоставления П. Калмыковым, Я. Баршевым и А. Кранихфельдом текстов диссертаций. Поскольку возможности представить их на тот момент не было, декан просил ректора ходатайствовать об отсрочке на год⁴⁸. По решению министра народного просвещения профессорам была предоставлена годичная отсрочка⁴⁹. В результате А. Кранихфельд и Я. Баршев к указанному времени доработали свои сочинения, а П. Калмыков в письме на имя декана указал, что его сочинение на тему «Главные основания собственности и договоров гражданских» ещё не дописано, поскольку он много времени уделяет обязанностям директора Первой Санкт-Петербургской гимназии, возложенным на него вышестоящим руководством. Он надеялся закончить свой труд к концу 1840 г., если не будет отвлечен «могущими случиться особенными по службе занятиями»⁵⁰.

Даже несмотря на трудности, связанные с защитой диссертаций, поставленная государством задача по распространению юридического образования в Российской империи была выполнена. Четыре российских университета получили профессоров, знающих европейское и российское право.

Однако судьба их сложилась по-разному. Некоторые из них прославили себя не только на педагогическом, но и на научном поприще. Самым известным, безусловно, стал К. Неволин. Его сочинения «Энциклопедия законоведения» и «История положительных законов» имели большое значение для науки. «Энциклопедия» была удостоена Академией наук Полной демидовской премии⁵¹. После назначения в Киевский университет Константин Алексеевич в течение двух лет занимал должность ординарного профессора энциклопедии прав и учреждений Российской империи, а затем был избран ректором данного университета. Несмотря на то, что карьера К. А. Неволлина складывалась удачно, в декабре 1842 г. он подал прошение об увольнении со службы в связи с «расстройством здоровья», мотивируя своё решение невозможностью дальнейшего проживания в Киеве из-за нездорового климата. Отказался он и от предложения служить в Харьковском университете и в Казанском. Единственное место, которое, по мнению К. А. Неволлина, ему подходило – это Санкт-Петербург⁵².

---

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 231. Л. 1.

TsGIA SPb., F. 14, Op. 2, D. 231, L. 1

⁴⁹ Там же. Л. 3.

Ibid, L. 3.

⁵⁰ Там же. Л. 6.

Ibid. L. 6.

⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 453. Л. 194.

RGIA, F. 733, Op. 69, D 453, L. 194.

⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 453. Л. 43.

RGIA, F. 733, Op. 69, D 453, L. 43.

Долгожданное назначение в Санкт-Петербургский университет состоялось 12 марта 1843 г., где он занял должность профессора на кафедре гражданских законов общих, особенных и местных. Вся его дальнейшая жизнь была связана с этим университетом. К. А. Неволин помимо гражданского права читал лекции по истории российского законодательства для студентов историко-филологического и физико-математического факультетов. Кроме того, с 1848 г. К. А. Неволин начал преподавать историю российского законодательства и энциклопедию законоведения в Императорском училище правоведения, созданном в 1835 г. «для образования юношества на службу по части судебной»⁵³.

К. А. Неволин принес много пользы и в качестве члена Редакции «систематического исправления военно-уголовного устава», куда он был прикомандирован в 1852 г. При назначении учитывалось, что «Неволин, получивший образование в законоведении при Втором отделении... под руководством М. М. Сперанского и известный многими учёными трудами по части законоведения» сможет справиться с этой сложной работой⁵⁴. В 1854 г. Константин Алексеевич был назначен ещё и членом консультации при Министерстве юстиции⁵⁵.

Имя С. Н. Орнатского (1806–1884) известно не так широко, но он прожил достойную жизнь преподавателя и ученого. В Киевском университете он читал лекции по истории русского гражданского законодательства и законоведения, трижды был деканом юридического факультета. С 1835 по 1843 г. С. Н. Орнатский был членом и секретарем «Временного комитета изыскания и сохранения древностей». Результатом этой деятельности стали научные работы С. Н. Орнатского «О ходе открытия древностей в Киеве до начала 1836 г.» и «Отчеты о действиях комитета изыскания древностей в Киеве».

После увольнения в 1843 г. с должности профессора он перешёл на службу в департамент Министерства юстиции. Однако прослужил совсем недолго: 13 мая 1846 г. он возвратился к преподавательской деятельности, заняв должность ординарного профессора на кафедре общенародного правоведения в Харьковском университете, а затем был переведён в Московский университет на кафедру энциклопедии законоведения и российских государственных законов, где прослужил до 1859 г.

Педагогическая деятельность Саввы Осиповича Богородского (1804–1857) неразрывно связана с Киевским университетом. Как отмечалось выше, защита диссертации, а следовательно, и назначение С. О. Богородского состоялись позже, чем его товарищей. К тому времени кафедра уголовного

---

⁵³ Сюзор Г. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения (исторический очерк). СПб., 1910. С. 15.

Suzor G., *Ko dnyu LXXV yubileya Imperatorskogo uchilishha pravovedeniya (istoricheskij ocherk)*, SPb., 1910, S. 15.

⁵⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 453. Л. 74.

RGIA, F. 733, Op. 69, D. 453, L. 74.

⁵⁵ Там же. Л. 78.

Ibid, L. 78.

права, о которой он мечтал, была уже занята. Просьба об определении его на аналогичную кафедру в Московский университет была отклонена. Поэтому, следуя своему долгу, С. Богородский стал исправлять должность ординарного профессора законов государственного благоустройства и благочиния. К уголовному праву он смог вернуться только в 1839 г. Возможно, он не сделал выдающейся карьеры, но его послужной список достаточно обширен: он несколько раз был деканом юридического факультета; три раза проректором университета; несколько раз временно исполнял должность ректора и однажды (в 1837 г.) – попечителя Киевского учебного округа⁵⁶. Кроме того, он почти два года был цензором Киевского цензурного комитета.

В 1854 г. он вышел в отставку, но, поскольку место ординарного профессора уголовного права долго оставалось вакантным, декан юридического факультета обратился с просьбой к С. О. Богородскому о возвращении в университет. 26 ноября 1857 г. профессор скончался. До конца своих дней Савва Осипович не только осуществлял педагогическую деятельность, но и активно занимался научной. За 10 дней до смерти он представил научную работу под названием «Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала 18 века», представляющую собой обширный труд об истории и современном состоянии уголовного законодательства⁵⁷.

Не меньший вклад в науку и подготовку юристов внесли и студенты «второй группы».

Александр Алексеевич Федотов-Чеховский (1806–1892) прожил долгую и насыщенную жизнь. Свою преподавательскую деятельность он начал в 1835 г. в Харьковском университете. В 1837 г. он был утверждён экстраординарным профессором по кафедре римского законодательства. Спустя год был переведён на аналогичную кафедру в Киевский университет. В 1842 г. Александр Алексеевич занял кафедру русских гражданских законов общих, особенных. Дважды он исполнял обязанности декана юридического факультета в 1840–1841 гг. и в 1848–1849 гг. Помимо преподавательской деятельности А. А. Федотов-Чеховский занимался изучением древних актов и документов, хранившихся в архиве университета. В результате этой деятельности он написал два больших тома «Актов, относящихся до гражданской расправы древней России»⁵⁸.

В отличие от своих коллег – студентов духовных академий – Александр Иванович Кранихфельд (1812–1881) закончил Третью Санкт-Петербургскую гимназию и поступил в Санкт-Петербургский университет. Он принадлежал к купеческому сословию. Указом Правительствующего Сената 24 октября 1839 г. он был исключён из купеческого звания и утвер-

⁵⁶ Савва Осипович Богородский. С. 148.

Savva Osipovich Bogorodskij, S. 148.

⁵⁷ Там же.

Ibidem.

⁵⁸ А. А. Федотов-Чеховский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Август. С. 140–141.

A. A. Fedotov-Chexovskij (nekrolog), Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1892, avgust, S. 140–141.

ждён «в службе по учебной части»⁵⁹. После возвращения из Берлина он был причислен ко Второму отделению, 4 сентября 1835 г. утверждён в степени доктора законовения и причислен к Санкт-Петербургскому университету с жалованием ординарного профессора. В этом же году его утвердили экстраординарным профессором по кафедре законов и государственных повинностей. Спустя три года А. И. Кранихфельд был утверждён в должности ординарного профессора по этой же кафедре. Помимо службы в университете А. И. Кранихфельд много сил отдал Императорскому училищу правоведения. В течение 9 лет (1841–1850) он исполнял обязанности инспектора классов⁶⁰. Кроме того, он преподавал в Училище курс гражданского права⁶¹, и, по словам А. Нольде, являлся автором «недурного по тем временам руководства»⁶². В 1849 г. Александр Иванович начал преподавать в Училище и финансовые законы⁶³.

В Санкт-Петербургский университет был направлен также Петр Давыдович Калмыков (1808–1860). В 1835 г. он был утверждён в должности экстраординарного профессора, а спустя два года – ординарного профессора по кафедре энциклопедии законовения и российских государственных законов⁶⁴. Его педагогическая деятельность была плодотворной. С 1838 г. он начал читать курс лекций по уголовному праву в Училище правоведения. По этим лекциям бывшим воспитанником Училища А. Любавским был составлен и издан учебник⁶⁵. Когда в 1857 г. он подал прошение об увольнении, попечитель, «учитывая знания и заслуги», предложил читать лекции приватно с прежним окладом⁶⁶. Кроме того, в течение 9 лет Петр

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 26. Д. 124. Л. 3 об.

TsGIA SPb., F. 14, Op. 26, D. 124, L. 1 ob.

⁶⁰ Там же. Л. 1 об.– 6 об.

Ibid, L. 1 ob.– 6 ob.

⁶¹ Нольде А. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева // Журнал Министерства народного просвещения. 1907 г. Август. С. 96.

Nol'de A., *Obzor nauchnoj yuridicheskoy deyatel'nosti K.P. Pobedonosceva*, Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya, 1907 g., avgust, S. 96.

⁶² Начертание российского гражданского права в историческом его развитии, составленное для Императорского Училища правоведения профессором, доктором прав Александром Кранихфельдом. СПб., 1843.

Nachertanie rossijskogo grazhdanskogo prava v istoricheskom ego razvitii, sostavlennoe dlya Imperatorskogo Uchilishha pravovedeniya professorom, doktorom prav Aleksandrom Kranixfel'dom, SPb., 1843.

⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3909. Л. 92 об.

TsGIA SPb., F. 355, Op. 1, D. 3909, L. 92 ob.

⁶⁴ Там же. Д. 4119. Л. 10 об., 11 об., 14, 145 об.–147 об.

Ibid, D. 4119, L. 10 ob., 11 ob., 14, 145 ob.–147 ob.

⁶⁵ Учебник уголовного права, составленный по лекциям профессора П. Д. Калмыкова А. Любавским. Части: общ. и особ. СПб., 1866.

Uchebnik ugolovnogo prava, sostavlennyj po lekciyam professora P.D. Kalmykova A. Lyubavskim. Chasti: obshh. i osob. SPb., 1866.

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4119. Л. 205, 207.

TsGIA SPb., F. 355, Op. 1, D. 3909, L. 205, 207.

Давыдович возглавлял Первую Санкт-Петербургскую гимназию и преподавал русский язык в Александровском лицее.

Братья Баршевы – Сергей Иванович (1808–1882) и Яков Иванович (1807–1894) – были направлены в Московский и в Санкт-Петербургский университеты.

Яков Баршев 31 декабря 1835 г. был утверждён в должности экстраординарного профессора по кафедре полицейских и уголовных законов Санкт-Петербургского университета. С 1837 г. по 1868 г. он преподавал в Александровском лицее, где в различное время являлся также инспектором классов, членом конференции и секретарем Совета⁶⁷. Вместе с К. А. Неволиным, А. И. Кранихфельдом и П. Д. Калмыковым он преподавал и в Императорском училище правоведения. Заслуга Я. И. Баршева перед наукой бесспорна. В 1841 г. он издал курс «Основание уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству».

Сергей Баршев преподавал в Московском университете в течение 42 лет, в 1841 г. он создал первый в России курс уголовного права «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях». Кроме научно-педагогической деятельности, в университете С. И. Баршев занимался и административной: был секретарем и деканом юридического факультета, а с 1863 по 1870 гг. являлся ректором университета. В 1842–1845 гг. С. И. Баршев был цензором Московского Цензурного комитета, в 1845–1849 гг. он возглавлял Московское коммерческое училище, активно занимался и научной деятельностью. Им было опубликовано около 50 научных работ⁶⁸.

Кроме С. И. Баршева в Московский университет были направлены П. Редкин и Н. Крылов. Никита Иванович Крылов (1807–1879) всю свою жизнь, с 1837 г. по 1872 г., посвятил преподаванию римского права, и кроме этого, в течение 8 лет был деканом юридического факультета.

Петр Григорьевич Редкин (1808–1891) преподавал в Московском и Санкт-Петербургском университетах. С 1873 по 1876 г. он являлся ректором Санкт-Петербургского университета, в 1882 г. стал членом Государственного совета. В отличие от многих своих товарищей П. Г. Редкин в 1844 г. представил диссертацию об уголовной кодификации и был повторно утверждён в степени доктора права⁶⁹.

Иван Васильевич Платонов (1805–1890) и Алексей Васильевич Куницын (1808–1873) после экзамена на степень доктора права были направлены в Харьковский университет. И. В. Платонов был определён на кафедру законов благоустройства и благочиния государственного, в 1837 г. был

⁶⁷ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3435. Л. 2 об., 3 об., 5 об., 9 об., 11 об., 89.

Ibid, F. 11, Op. 1, D. 3435, L. 2 ob., 3 ob., 5 ob., 9 ob., 11 ob., 89.

⁶⁸ Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Самые знаменитые юристы России. М., 2003. С. 54–55.

Zvyaginцев A. G., Orlov Yu. G., *Samy`e znamenity`e yuristy` Rossii*, M., 2003, S. 54–55.

⁶⁹ Редкин Петр Григорьевич (1808–1891) // Биографика. [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/786-redkin-petr-grigor-yevich.html> (Дата обращения: 02.11.2019 г).

утверждён в звании экстраординарного профессора, а в 1848 г. – ординарного профессора. В самом расцвете сил вышел в отставку по выслуге лет.

А. В. Куницын в Харьковском университете преподавал гражданское право, в 1838–1841 гг. был ректором университета, с 1866 по 1874 гг. читал лекции по гражданскому и римскому праву Новороссийском университете.

Итак, можно констатировать, что задача по распространению юриспруденции в Российской Империи была выполнена. Выбранный М. М. Сперанским путь оказался долгим и тернистым, но его решение о подготовке преподавателей законоведения, а не просто юристов, оказалось абсолютно верным.

Вклад в юридическое образование и юридическую науку первых двенадцати профессоров был огромен. За годы плодотворной деятельности не только в университетах, но и в других учебных заведениях они подготовили значительное число юристов. Учеником Я. И. Баршева был талантливый педагог и не менее талантливый адвокат А. Д. Спасович, К. А. Неволин воспитал профессора Санкт-Петербургского университета М. М. Михайлова, П. Д. Калмыков был учителем И. Е. Андреевского – учёного-юриста, ректора и ординарного профессора Санкт-Петербургского университета, редактора энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. П. Г. Редкин, С. И. Баршев, Н. И. Крылов преподавали русскому историку, правоведа, социологу и публицисту К. Д. Кавелину. Ученики первых профессоров права смогли поднять на высокий уровень юридическую науку, способствовали проведению в жизнь Судебной реформы 1864 г., занимали различные должности в государственном аппарате, некоторые сами стали преподавателями права.

Список литературы:

1. *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Самые знаменитые юристы России. М.: Вече, 2003. – 412, [2] с.
2. *Кодан С. В.* Школа профессоров русского права М. М. Сперанского // Государство и право. 2003. № 9. С. 88–95.

IMPLEMENTATION OF M. M. SPERANSKY'S IDEAS ON THE SPREAD OF JURISPRUDENCE IN THE RUSSIAN EMPIRE

I. V. Olympieva

*State University of Civil Aviation, Transport law department,
Saint Petersburg, Russia*

The article is devoted to the preparation of the Second Department of his Imperial Majesty's Chancellery (SEIWG), and then at Berlin University, students of law in 1828–1835 On the initiative of M. M. Speransky were elected students of the St. Petersburg and Moscow theological academies, "full graduates", who for years studied jurisprudence at St. Petersburg University and the Second part of SEUK, and then, to improve knowledge were sent to the University of Berlin. The result of their training was their

approval in the degree of doctor of law and direction for teaching law in four Russian universities. K. Nevolin, S. Ornatsky, S. Bogorodsky were sent to Kiev University, P. Kalmykov, A. Kranichfeld and Y. Baryshev were appointed to St. Petersburg University; A. Fedotov-Chekhov, I. Platonov, A. Kunitsyn-to Kharkov; P. Redkin, S. Baryshev, N. Krylov – to Moscow.

Keywords: *M. M. Speransky, The second branch Of his Imperial Majesty's own Chancery, students of theological academies, law students, German universities, Russian Professor, the spread of jurisprudence.*

Об авторе:

ОЛИМПШЕВА Ирина Владимировна – старший преподаватель, кафедра «Транспортное право», Государственный университет гражданской авиации, (196210, Россия, Санкт-Петербург, ул. Пилотов, 38), e-mail: wubornova@yandex.ru

About the authors:

OLYMPIEVA Irina Vladimirovna – Senior Teacher, Transport law department, State University of Civil aviation, (Saint-Petersburg, Russia, Pilotov st., 38, 196210), e-mail: wubornova@yandex.ru

References

- Zvyaginцев A. G., Orlov Yu. G., *Samy`e znamenity`e yuristy` Rossii*, М., Veche, 2003. – 412, [2] s.
- Kodan S. V., *Shkola professorov russkogo prava M.M. Speranskogo*, Gosudarstvo i pravo, 2003, № 9, S. 88–95.

Статья поступила в редакцию 10.09.2019 г.